

ЭТО подзаголовок новой книги Мариэтты Сергеевны Шагинян, названной, на первый взгляд, не совсем обычно для научного исследования. «Воскрешение из мертвых» — подобный заголовок в общем-то более присущ иным жанрам...

Однако в данном случае он правомерен, ибо этой своей книгой М. Шагинян именно воскресила из мертвых для наших любителей музыки интереснейшую творческую личность одного из крупнейших чешских композиторов XVIII века, автора множества произведений, потрясавших современников выразительной силой. Йозеф Мысливечек до сих пор был фигурой, во многом безлико нейтральной, теряющейся среди других знаменитых современников Вольфганга Моцарта. Обстоятельные сведения о нем можно найти было у нас, в сущности, лишь в капитальных трудах И. Бэлзы о чешской музыке, появившихся, кстати, тоже не столь уж давно.

И вот сейчас Йозеф Мысливечек, как живой, предстает перед нами в книге М. Шагинян. Как живой...

Бездну труда вложила Мариэтта Сергеевна в свою новую книгу. Во многих случаях пять-шесть страниц, рассказывающих о том или ином событии в жизни Мысливечека, требовали многих лет напряженнейшей работы — упорных до самозабвения поисков в библиотеках, нотохранилищах, десятках городов Чехословакии, Италии, встреч и бесед с сотнями людей, собрания материала буквально по крохам, мучительно-настойчивого анализа известных ранее фактов, одновременно и писательского, и искусствоведческого «оживления» в них.

Достигнутый результат великолепен. Редко, очень редко появляются в музыковедении книги, которые были бы, перифразируя известные слова Глинки, столь докладны знатокам и просто публике. Поклонникам внешне понимаемой «научной музыковедческой строгости», быть может, при чтении «Воскрешения из мертвых» покажется, что здесь недостает привычного аналитического описания клавиров и партитур. Но вчитайтесь внимательнее, и вы почувствуете, сколь глубоко многие и многие, казалось бы, слишком «писательские» оценки автором музыки Мысливечека.

КНИГА М. Шагинян написана «плотно». Насыщенность мыслями на единицу площади, если допустимо такое выражение, здесь велика. «Воскрешение из мертвых» увлеченно читаешь, как захватывающий роман, и в то же время в процессе чтения смакуешь каждую подробность. Как щедро рассыпаны в этой чудесной книге поэтические кристаллы активно пульсирующего ума. Сколько здесь интересных размышлений о сущности тех или иных явлений искусства, размышлений, в свою очередь дающих интенсивный толчок уже твоим мыслям. Когда читаешь, скажем, рассуждения М. Шагинян о сущности национального начала в музыке, о соотношении эмоций и мышления в восприятии реально звучащего музыкального образа, о форме музыкального произведения, невольно осознаешь, что это изложено как бы между прочим и не стало основой для больших самостоятельных разделов исследования. Впрочем, своеобразная тезисность таких брошенных вскользь замечаний отнюдь не снижает их ценности.

Вероятно, следовало бы аргу-

ПОВЕСТЬ ОБ ОДНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

ментировать все это, как то обычно принято, цитатами из рецензируемой книги. Но в данном случае находишься несколько в растерянности: цитировать можно, в сущности, наугад чуть ли не любую страницу. Общих мест, того пустого многословия, которое является результатом приблизительного изложения аморфной, неоткристаллизовавшейся мысли, равно как и бездумно сухой констатации фактов, здесь не встретишь. Ограничусь лишь напоминанием одной из характеристик оперных арий Мысливечека: «Какая глубоко человеческая музыка, — вот что всегда чувствуешь про себя, слушая его арии; музыка, целомудренная в любви, скрытая в любви, не очень счастливая, но прячущая и страдание и счастье, едва выдавая их слушателю, чтоб не надоесть, не напугать, не показаться навязчивым. И та же музыка, полная большого чувства, уже совсем не тающаяся, широчайшим откровением изливается на вас, как раскрытая душа композитора, когда Мысливечек переходит от оперных арий к своим большим ораториям. Слушая эти свидетельства сердца, какими они вылились в музыку (а настоящее творчество никогда не может быть ложью), трудно представить себе Мысливечека легкомысленным, переходящим от одной мимолетной интриги к другой, потерявшим «респектабельность», распутным. Никак не вяжется это с его музыкой. И невольно понимаешь, почему восклицали о ней неаполитанцы: «Andò a stelle», — возносила к звездам...».

В такой поэтической, неотразимо убеждающей форме изложен один из существенных аргументов М. Шагинян, разбивающий легенду о Мысливечеке — распутном кутиле, аргумент, основанный на вдумчивом анализе его музыки. Мысливечек-человек и Мысливечек-композитор, его замечательные произведения под пером М. Шагинян — единое, нераздельное целое. Этим своим качеством, равно как органичным сочетанием строгой научности мысли и взволнованной поэтичности повествования, «Воскрешение из мертвых» напоминает музыковедческие исследования Романа Роллана.

Всякое сравнение хромает. Приблизительна, в какой-то мере неточна и возникающая сейчас параллель. Но ведь сравнивая, сопоставляя явления, мы отнюдь не стремимся доказать тождественность их. Напротив, факт ставят в однородный ряд именно для того, чтобы окончательно уяснить его сугубую индивидуальность. «Бетховенские» тома Романа Роллана и монография Мариэтты Шагинян об Йозефе Мысливечеке столь же отличны друг от друга, сколь различны творческие индивидуальности их авторов и композиторов, жизнь и музыка которых являлись в каждом конкретном случае предметом исследования. И все же между ними есть общее: их убеждающая сила — результат соединения во едино собственно искусствоведения и большой литературы. Ценнейшее и редко встречающееся качество!

Ин. ПОПОВ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

19 НОЯ 1962